

Запад — восток: сближение или расхождение паттернов взросления у миллениалов в четырех европейских странах

Екатерина С. Митрофанова¹, Сергей А. Макаров¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Россия

Получено 9 September 2023 ♦ Принято в печать 6 December 2023 ♦ Опубликовано 29 December 2023

Цитирование: ES Mitrofanova, SA Makarov (2023) West and East: convergence or divergence of Millennials' transition to adulthood in four European countries. Population and Economics 7(4):68–90. <https://doi.org/10.3897/pepecon.7.e112452>

Аннотация

Изобретение Интернета и стремительный технологический прогресс сделали миллениалов, родившихся между 1980 и 1999 гг., первым по-настоящему глобальным поколением. Насколько глобальны и универсальны изменения, происходящие в процессе перехода во взрослую жизнь у этого поколения? Чтобы ответить на этот вопрос, мы сравнили миллениалов во Франции, Финляндии, Эстонии и России.

Анализируя данные Европейского социального исследования (2006 и 2018 гг.), мы рассмотрели шесть ключевых событий, маркирующих переход во взрослую жизнь: получение профессионального образования, отделение от родителей, первое трудоустройство, первое партнерство, первый брак и первое деторождение.

Сравнение структуры, тайминга и интенсивности наступления стартовых событий в выбранных странах показало, что процесс перехода во взрослую жизнь становится все более унифицированным, но сохраняет некоторую страновую специфику. Социальноэкономические события происходят у большинства миллениалов (50–90%) в возрасте 18–20 лет, причем во Франции и Финляндии они больше растянуты во времени, а в Эстонии и России наступают более компактно. Партнерство — самое распространенное событие, которое является дебютным в демографической сфере. По сравнению с партнерствами, первые браки и деторождения есть менее чем у 50% респондентов, и наступают они в более старших возрастах. У россиян эти события встречаются чаще и наступают раньше, чем в других странах.

Ключевые слова

деторождение, анализ наступления событий, поколения, отделение от родителей, жизненный путь, браки, второй демографический переход, тайминг

Коды JEL: J62, Z13, N3, J12, J13

Введение

Целью работы является развитие предыдущих исследований перехода во взрослую жизнь (ПВЖ) с использованием актуальных и сопоставимых данных Европейского социального исследования (ЕСИ). Предыдущие работы выявили сдвиг моделей взросления в сторону «позднего, растянутого, сложного» перехода во взрослую жизнь [Billari and Liefbroer, 2010]. Однако в Европе существуют различия между западноевропейской и восточноевропейской брачностью и временем наступления репродуктивных событий [Hajnal, 1965]. Обследование «Поколения и гендер» (“Generations and Gender Survey”) 2004 и 2005 гг. показало, что Россия и Эстония демонстрируют более раннее наступление демографических событий и их большую распространенность в населении, нежели во Франции [Mitrofanova, 2017; Митрофанова, 2023].

Данная работа посвящена изучению ПВЖ во Франции, Финляндии, Эстонии и России, которые объединены общим европейским контекстом и при этом имеют весьма различные исторические, культурные, социальные, политические и демографические условия. Мы расширяем рамки предыдущих исследований за счет включения более молодых когорт, дополнительной страны (Финляндии) и применения новых методологических инструментов. В то же время мы фокусируем внимание только на миллениалах (родившихся между 1980 и 1999 гг.), которых делим на две когорты: старших представителей поколения (1980–1989) и младших (1990–1999). Мы проверяем, сделала ли социализация в глобализированном мире миллениалов из разных стран более похожими и сближенными в демографическом поведении (предположения теории Второго демографического перехода) или же они сохранили специфические для каждой страны модели ПВЖ (согласно линии Хайнала).

Мы квантифицировали ПВЖ через набор таких стартовых социодемографических событий, как получение профессионального образования, отделение от родителей, первое трудоустройство, первое партнерство, первый брак и первое деторождение. На основе двух волн Европейского социального исследования (2006 и 2018 гг., 3651 респондентов) мы изучаем следующие закономерности наступления этих событий: структура (доли респондентов, у которых есть интересующие нас события), тайминг (медианные возрасты наступления событий) и интенсивность (система методов Анализа наступления событий, или Event History Analysis).

Теоретическая основа

Переход во взрослую жизнь

На протяжении последнего столетия переход во взрослую жизнь (ПВЖ) развивался как концепция в рамках различных наук об обществе, беря начало в исследованиях из биологии и медицины, антропологии, психологии, социологии и демографии.

Психологические теории XX века исследовали ПВЖ через такие явления и процессы, как подростковый возраст [Hall, 1904], биологическое [Werner, 1926] и физическое созревание [Offer, 1984], а также психосексуальное развитие [Freud, 1936]. Появились различные точки зрения, рассматривающие ПВЖ как стремление к индивидуальности и независимости, направленное на самореализацию [Spranger, 1925; Blos, 1967; Buhler, 1971], или как процесс освоения ролевых моделей и социальных навыков [Hofstätter, 1954; Heitmeyer and Hurrelmann, 1988]. Психология определяет ПВЖ с помощью таких понятий, как «зарождающаяся взрослость» (“emerging adulthood”), «молодая взрослость» (“young adulthood”) и «юность» (“youth”) [Arnett, 2012].

Одной из наиболее важных концепций, появившихся в психологии в 1920-х гг., стала концепция жизненного пути (КЖП, life course approach). Основная цель КЖП — проанализировать жизнь человека с точки зрения биологических, социальных и культурных измерений, где развитие человека — это непрерывный процесс, происходящий на протяжении всей его жизни. КЖП часто выбирают как наиболее подходящий инструмент для изучения ПВЖ в мультидисциплинарной перспективе [Alwin, 2012].

В 1970-х гг. социологи все еще рассматривали ПВЖ как часть системы, ориентированной на возраст и содержащей предопределенный набор возрастных задач и церемоний перехода, которые маркируют взросление [Neugarten and Datan, 1973]. Общества в этом отношении сильно различаются, например, в зависимости от таких аспектов, как культура, биологические особенности, пол, раса, социоэкономические факторы [Featherman and Lerner, 1985; Hagestad and Neugarten, 1985].

Современная социология взяла много от КЖП и теперь понимает переход во взрослую жизнь как длительный процесс, состоящий из ряда событий, которые приносят новые социальные роли и статусы в жизни людей [Elder, 1975; Modell et al., 1976]. С тех пор факторы, влияющие на тайминг и порядок наступления таких событий, стали центром внимания социальных исследований, касающихся ПВЖ [Hogan and Astone, 1986; Rindfuss et al., 1987; Shanahan, 2000; Settersten et al., 2005; Furstenberg, 2010].

Для демографов ПВЖ стал феноменом, охватывающим события первой трети жизни, значимые для понимания демографического поведения. Демографы солидаризируются с социологами и тоже изучают ПВЖ через анализ наступления событий, маркирующих взрослость. Консенсусным набором таких событий считается: получение профессионального образования, отделение от родителей, первое трудоустройство, первое партнерство, первый брак и первое деторождение [Buchmann, 1989; Liefbroer, 1999; Billari et al., 2005; Vikat et al., 2007]. КЖП обеспечивает ученым возможность операционализировать ПВЖ и использовать количественные методы для изучения структуры, квантума, тайминга, интенсивности и последовательности наступления социодемографических событий.

Поскольку половина событий ПВЖ является демографическими, в их анализе помогают демографические теории, обеспечивающие концептуальные рамки для систематизации тенденций демографического поведения в разных странах и в разные эпохи. Теория второго демографического перехода (ВДП), предложенная D. van de Kaa [1986] и R. Lesthaeghe [1986, 1995, 2020], объясняет отправные точки и направления развития процесса демографической модернизации в разных странах. Такие закономерности ВДП, как снижение уровней брачности и рождаемости, рост числа партнерств и внебрачных деторождений, откладывание браков и деторождений, являются также паттернами изменений процесса ПВЖ, что позволяет изучать их в совокупности. Когда исследования показывают стадийность перехода от одних брачных моделей к другим [Puur et al., 2012a, 2012b], мы можем предположить некоторые схожие сдвиги в ПВЖ.

F. Billari и A. Liefbroer [2010] предложили идею перехода от более традиционной «ранней, сжатой, простой» модели ПВЖ к более современной «поздней, растянутой, сложной». Они проанализировали тайминг, интенсивность и последовательность наступления стартовых событий и пришли к выводу, что конвергенция моделей ПВЖ в разных странах вполне возможна в будущем.

Идеи дивергенции также имеют некоторые эмпирические подтверждения. Линия Хайнала [Hajnal, 1965] — это концепция, предполагающая деление европейских стран на западную и восточную части, внутри которых существуют схожие матримониальные модели. Западные страны осуществили переход от раннего и всеобщего брака к позднему и селективному к XIX в., в то время как некоторые восточноевропейские страны не осуществили его даже к середине XX в.

Исследователи также изучали региональные особенности демографического поведения. M. Buchmann [1989] высказала идею об уникальном характере любой страны с точки зрения социальных норм. A. Cavalli и O. Galland [L'allongement de la jeunesse, 1993] разработали географическую классификацию по макрорегионам и силе семейных связей. D. Reher [1998] изучал преданность институту семьи в северной Европе (слабые связи) и южной (сильные связи). G. Esping-Andersen [1990, 2002; Family formation..., 2007] кластеризовал меры поддержки семей в зависимости от режимов благосостояния в Европе и допустил возможность появления «паннационального» режима, близкого к нынешнему либеральному.

Очень часто исследователи получают противоречивые результаты, которые одновременно доказывают и дивергенцию, и конвергенцию моделей взросления. Одна из таких работ [Mitrofanova, 2017; Митрофанова, 2023], выполненная на данных обследования «Поколения и гендер» (Generations and Gender Survey) 2004 и 2005 годов, показала, что Эстония и Россия имеют схожий тайминг наступления событий, маркирующих ПВЖ. Однако по темпоральным паттернам Эстония ближе к Франции. В то же время анализ последовательностей показал конвергенцию паттернов ПВЖ у самого молодого поколения (1970–1979 г.р.).

Выбор стран

Данное исследование продолжает предыдущее изучение Франции, Эстонии и России с добавлением еще одной страны — Финляндии. Все четыре страны находятся на одном континенте и разделяют ряд общих исторических событий и процессов, например мировые войны, индустриализацию, урбанизацию и демографическую модернизацию. Несмотря на кажущееся сходство, эти страны довольно разнородны с точки зрения культурного, институционального, социоэкономического и демографического развития.

Франция — одна из первых стран, прошедших демографическую модернизацию. Урбанизация и индустриализация начались там раньше, чем в трех других изучаемых нами странах, и в определенной степени стимулировали первый, а затем и второй демографические переходы. Кроме того, Франция была одной из первопроходцев, где реформы в сфере образования проводились одновременно с внедрением эффективных способов контрацепции [Blum et al., 2009].

Финляндия и Эстония практически лежат на линии Хайнала, и их позиции могут быть интерпретированы по-разному. Кроме того, обе страны имели некоторое общее политическое пространство с Российской империей/СССР: в 1809–1917 годах (Финляндия) и 1940–1991 годах (Эстония).

Находясь более века в составе Российской империи, Финляндия сохранила высокий уровень автономии, приверженность протестантской этике и множество особенностей, характерных для Балтийского региона. Исследования показывают, что социодемографическое поведение финнов и жителей Балтийского региона становится все ближе к современным моделям взросления [Plakans, 1984].

Эстония в течение полувека входила в состав СССР, и многие поколения, жившие в ней, впитали ряд норм и ценностей, характерных для советских республик. Однако балтийская и европейская идентичность была достаточно сильна в эстонцах, поэтому после распада Советского Союза они начали демографически сближаться с западными европейцами [Nugin et al., 2016].

Согласно концепции Хайнала, Россия изначально принадлежала к восточноевропейской модели брачности, хотя последние исследования показывают движение в направлении европейских моделей ПВЖ [Blum et al., 2009]. Российское население в целом демонстрирует более «традиционные» модели социодемографического поведения: более высокая доля браков и деторождений по сравнению с другими рассматриваемыми странами; более молодой возраст наступления этих событий; более короткие интервалы между событиями и меньшей вариативностью сценариев жизненного пути [Puur et al., 2012a; Митрофанова, 2017].

Таким образом, для нашего анализа мы выбрали одну типичную западноевропейскую страну — первопроходца социодемографических изменений (Франция), одну европейскую страну с общим прошлым с Российской империей (Финляндия), одну европейскую страну с общим прошлым с СССР (Эстония) и современную Россию, которая унаследовала общие с перечисленными соседями корни. Мы предполагаем, что чем ближе было общее прошлое, тем больше сходств мы обнаружим между странами. Поэтому мы ожидаем, что Франция и Россия окажутся на противоположных концах социодемографического континуума моделей ПВЖ; Финляндия будет ближе к Франции, а Эстония — к России.

Поколения и гендер

Поколенческий фактор как важнейший для динамики исторического развития является существенным для рассмотрения ПВЖ в рамках данного исследования. Подход Н. Райдера предлагал в научном дискурсе оперировать только термином «когорты», объединяющим индивидов по году рождения, а термин «поколения» оставить как общеупотребительный [Ryder, 1965]. Подход К. Маннгейма привнес в понятие поколения больше социологического смысла [Mannheim, 1970]: существует не только общее время рождения поколения, но и «социальное местоположение» этой группы, которое скрепляет ее членов на протяжении всей жизни. Среди современных поколенческих концепций существуют различные теории для каждой страны, в том числе учитывающие историческую специфику каждой из них. Однако наиболее популярной теорией стала та, которая создавалась на базе американской истории и поэтому не работала должным образом для других стран [Howe and Strauss, 1992, 2007]. Тем не менее эта теория предложила «лейблы» поколений, которые вошли в обиход не только в соцсетях и СМИ, но также и в научных исследованиях. Термин «миллениалы» — один из таких лейблов. Он возник из идеи, что это поколение начинало жизнь во время смены тысячелетий — время, вызывающее трепет, надежды и интерес у всех современников этого события. Именно поэтому Хоув и Штраус, разработавшие свою теорию в 1990-х гг., не смогли избежать аллюзий на этот главный символ.

В оригинальном исследовании Хоува и Штрауса миллениалы были определены как родившиеся в период с 1982 по 2000 гг., но в более поздних исследованиях эти границы неоднократно пересматривались. Для сопоставимости этого поколения в четырех выбранных странах мы будем использовать в нашем исследовании следующие годы рождений: с 1980 по 1999 гг.

Это поколение можно назвать первым по-настоящему глобализованным, поскольку оно социализировалось в эпоху распространения интернета, гаджетов, телепередач и музыкальных каналов, создающих единый контекст для всей молодежи развитых и развивающихся стран. Исследования показывают, что ценности и поведение этого поколения довольно схожи и синхронизированы с ровесниками благодаря такому общему «социальному положению» [Bennett et al., 2008; Dutzik and Inglis, 2014; Inglehart, 2018].

Наряду со сходством важно также учитывать неоднородность каждого поколения. Для исследования закономерностей ПВЖ крайне важно дополнительно сфокусироваться на гендере, поскольку он определяет многие различия в демографическом поведении и наступлении других стартовых событий [Andersson and Scott, 2007; Aronson, 2008; Craig and Foster, 2013]. Как правило, женщины склонны к более раннему наступлению демографических событий, нежели мужчины. Также важно оценить изменения в поведении тех миллениалов, которые прожили хотя бы часть своей жизни до падения Берлинской стены, и тех, кто родился уже после. Именно поэтому мы разделили анализируемое поколение на две когорты: старших миллениалов (1980–1989 г.р.) и младших (1990–1999 г.р.).

Гипотезы

По результатам анализа литературы мы выдвинули следующие гипотезы исследования.

H1. Сравнение ПВЖ миллениалов в выбранных странах:

H1.1. Социальноэкономические события (получение профессионального образования, отделение от родителей, первое трудоустройство) имеют в целом схожую структуру и тайминг во всех четырех странах, хотя Франция и Финляндия демонстрируют больше сходств в ПВЖ между собой, а Россия и Эстония — между собой.

H1.2. Наступление демографических событий (первое партнерство, первый брак и первое деторождение) имеет страновые особенности: Финляндия схожа с Францией в откладывании демографических событий и в заметном снижении их доли у миллениалов. Россия демонстрирует самую высокую долю браков и деторождений, а также самый ранний возраст наступления этих событий. Эстония в этом аспекте больше похожа на Россию, хотя особенности вступления в партнерства более схожи с Францией и Финляндией.

H2. Внутрипоколенческие особенности ПВЖ миллениалов:

H2.1. У младшей когорты миллениалов (1990–1999 г.р.) меньше событий, маркирующих ПВЖ, и более ранние возрасты их наступления, нежели у старшей (1980–1989 г.р.). В определенной степени это обусловлено эффектом возраста (или цензурированием событий).

H2.2. Наступление демографических событий у женщин происходит на один-два года раньше, чем у мужчин, в то время как наступление социоэкономических событий имеет меньше гендерных различий.

Данные и методы

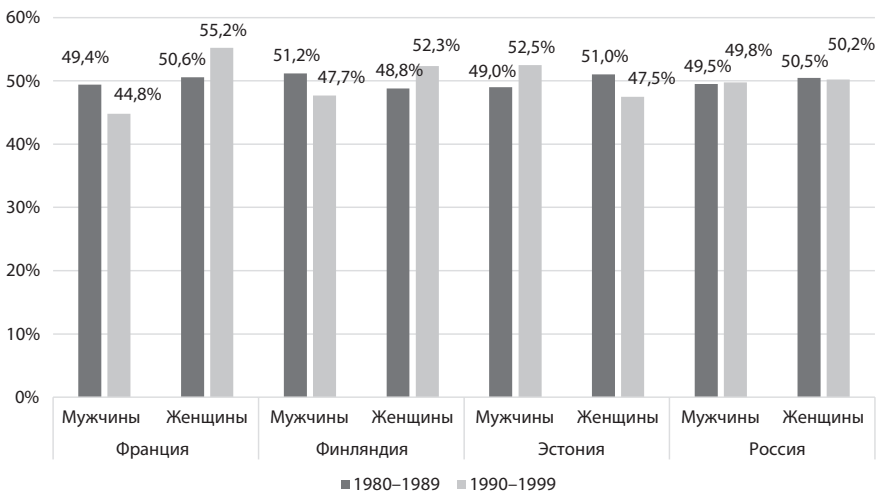
Данные

Исследование основано на данных Европейского социального исследования (ЕСИ) 2006 г. (третья волна) и 2018 г. (девятая волна) для Франции, Финляндии, Эстонии и России. Это исследование является панъевропейским и включает специальный блок вопросов, посвященных ПВЖ [Billari et al., 2005].

Ограничением данных является то, что все даты были собраны с точностью только до года, но набор событий соответствует общепринятому у демографов [Buchmann, 1989; Liefbroer, 1999; Billari et al., 2005; Vikat et al., 2007]. Мы разделили шесть стартовых событий на социоэкономические (получение профессионального образования, отделение от родителей, первое трудоустройство) и демографические (первое партнерство, первый брак и первое деторождение).

Согласно анкете ЕСИ, отделение от родителей означает, что респондент жил отдельно от своих родителей в течение как минимум двух месяцев. Первое трудоустройство — это когда респондент проработал официально не менее трех месяцев. Первое партнерство — это матримонийный союз без официальной регистрации отношений, но с совместным проживанием на протяжении не менее трех месяцев. Получение профессионального образования само по себе не является стартовым событием, но оно играет роль отправной точки для старта профессиональной карьеры, поэтому считается одним из маркеров ПВЖ.

Мы проанализировали модели ПВЖ в нескольких измерениях: по странам, гендерам и когортам (старшие миллениалы, родившиеся в 1980–1989 гг., и младшие, родившиеся в 1990–1999 гг.). Абсолютное число респондентов приведено в Приложении 1. Распределение долей представлено на Рисунке 1.

Рисунок 1. Доли респондентов по странам, гендерам и когортам. *Источник:* Расчеты авторов на данных двух волн Европейского социального исследования (2006 и 2018 гг.)

Методы

Мы использовали демографический подход к изучению наступления событий ПВЖ. Мы проанализировали такие параметры возникновения событий, как: структура, тайминг и интенсивность [Winkler-Dworak and Engelhardt, 2004; Bongaarts and Feeney, 2006; Berrington et al., 2015].

Мы анализировали структуру с помощью долей населения, переживших интересующие нас события; тайминг — с помощью медианных возрастов наступления событий; интенсивность — с помощью регрессий Кокса, метода из анализа наступления событий (АНС, event history analysis) [Mills, 2011; Blossfeld et al., 2014]. АНС позволяет изучить шансы наступления событий с учетом времени, которое каждый респондент провел под «риском» наступления этого события.

Из всех методов АНС мы выбрали регрессию Кокса [Cox, 1972], которая позволяет работать с полупараметрической регрессионной моделью пропорциональных рисков. В нашем случае мы анализировали риски вступления в первое партнерство, в первый брак и риски первого деторождения после достижения 15-летнего возраста. Мы выбрали возраст 15 лет на основании наших предыдущих исследований [Mitrofanova, 2016; Mitrofanova and Artamonova, 2016], а также потому, что этот возраст обычно выбирается демографами как начало репродуктивного периода. Были проанализированы риски наступления только демографических событий, поскольку структура и тайминг социоэкономических событий выявили схожесть их наступления в разных странах.

В качестве стратифицирующей переменной для регрессий Кокса была выбрана принадлежность респондентов к странам и когортам (всего 8 групп). В качестве ковариат выбраны три переменные, распределение которых представлено в Приложении 4. Наш выбор ковариат обусловлен тем, что (1) мы уже использовали такой подход в наших предыдущих исследованиях, и это позволяет нам достичь некоторой сопоставимости результатов, (2) эти ковариаты являются редкими переменными без пропущенных значений, что позволяет нам рассчитывать риски для респондентов без потерь, (3) мы пробовали различные спецификации наших моделей, и эта показала самые устойчивые результаты.

В набор ковариат вошли следующие переменные с указанием референтных категорий (реф.), а отсутствие корреляции между ковариатами подтверждено в Приложении 5:

- гендер:
  - мужчины (реф.),
  - женщины;
- место проживания на момент интервью:
  - крупные города — более 100 тыс. чел. (реф.),
  - остальные города и городские поселения — 20–100 тыс. чел.,
  - сельская местность — менее 20 тыс. чел.;
- уровень образования:
  - высшее — бакалавриат, специалитет и выше (реф.),
  - профессиональное — среднее специальное,
  - общее — оконченное среднее и ниже.

Анализ

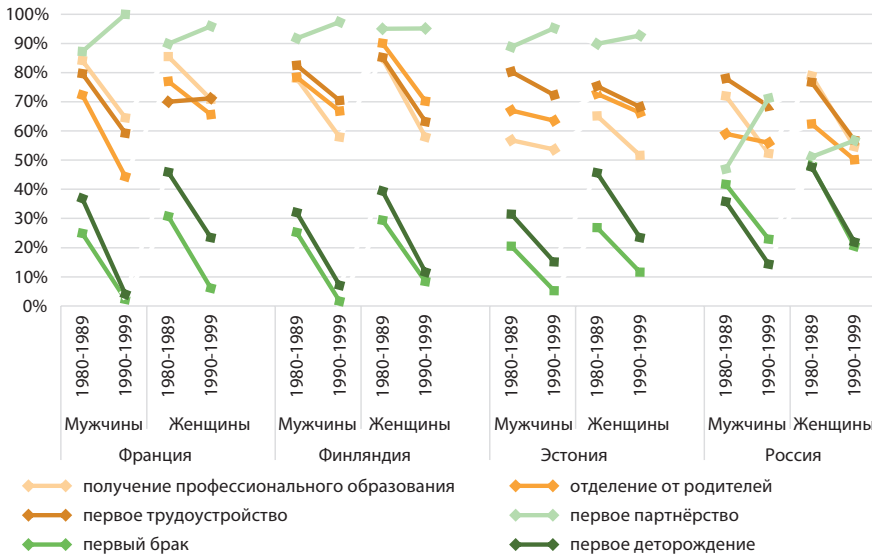
Структура

На Рисунке 2 представлены доли респондентов, распределенных по стартовым событиям, маркирующим ПВЖ, в разрезе стран, гендеров и двух когорт миллениалов. Тесты хи-квадрат, показывающие значимость различий, приведены в Приложении 2.

Во всех странах два кластера маркеров ПВЖ структурированы следующим образом: социоэкономические события уже произошли у 50–90% каждой когорты в каждой стране, в то время как браки и деторождения произошли только менее чем у 50% респондентов (российские когорты имеют самую высокую долю этих двух событий). Партнерство занимает неоднозначную позицию: доля для России колеблется между 50 и 70%, в то время как остальные страны демон-

стрируют максимальные доли для партнерств по сравнению со всеми остальными событиями (85% и более).

Между когортами наблюдаются заметные изменения, которые выглядят как снижение почти всех долей для респондентов, родившихся в 1990–1999 гг. по сравнению с 1980–1989 гг. В большой степени это снижение связано с эффектом возраста или цензурированием событий (когда самая молодая когорта в силу возраста еще не успела пережить все искомые события). На фоне общего межкогортного снижения долей, доли партнерств, как ни странно, увеличиваются во всех странах.

Рисунок 2. Доли миллениалов, имеющих стартовые события по странам, гендерам и когортам. *Источник:* Расчеты авторов на данных двух волн Европейского социального исследования (2006 и 2018 гг.)

Тайминг

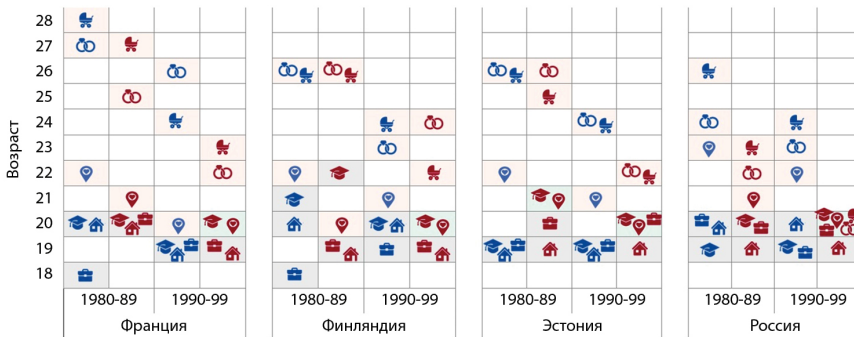
На Рисунке 3 представлен инфографичный календарь наступления событий, построенный на основе оценок медианных возрастов. Эта мера центральной тенденции работает лучше, чем среднее арифметическое или мода, но имеет свои ограничения: календари для молодых когорт — предварительные из-за эффекта возраста (или цензурирования). Медианы также не могут дать нам достоверной информации о порядке наступления событий, поскольку рассчитываются для каждого события в отдельности без учета реальной последовательности в биографии каждого респондента. Статистический тест ANOVA для всех медиан приведен в Приложении 3.

Композиция событий, представленная на Рисунке 3, демонстрирует сходство в наступлении социоэкономических событий в разных странах. Во Франции и Финляндии социоэкономическая часть ПВЖ начинается с 18–19 лет для мужчин и 19–20 лет для женщин. Первым событием для мужчин чаще всего является трудоустройство, а для женщин — сочетание трудоустройства и отделения от родителей. В России и Эстонии старт социоэкономических событий происходит в 19 лет у мужчин и женщин. У эстонских мужчин наблюдается скученность всех трех событий, в то время как российские мужчины проходят через эти события постепенно. Эстонские и российские женщины сначала отделяются от родителей, а затем в течение одного-двух лет переживают остальные два социоэкономических события. Самый поздний возраст завершения этой части перехода (22 года) — у финских мужчин 1980–1989 г.р.

После социоэкономического пассажа событий наступает демографический пассаж. Он имеет гораздо большую протяженность, что во многом связано с тем, что первые партнерства, которые во всех странах открывают демографическую биографию, начинаются в довольно ранних возрастах, тогда как браки и деторождения откладываются на более поздние возрасты и почти всегда идут друг за другом с интервалом от нескольких месяцев до одного-двух лет.

Гендерные различия наблюдаются во всех когортах и странах, особенно для демографических событий. Исключение составляет только Финляндия, где государственная поддержка наиболее интенсивна и гендерно эгалитарна: наступление событий для мужчин и женщин здесь выглядит почти одновременным (хотя следует помнить, насколько низка и предварительна доля людей, вступивших в брак и родивших первого ребенка, по крайней мере для самой молодой когорты). Во всех остальных странах сохраняется известная исследователям разница в один-два года в наступлении событий у мужчин и женщин.

Легенда

Медианные возрасты наступления стартовых событий:		Гендер:
социоэкономические события		демографические события
🎓 получение профессионального образования	📍 первое партнерство	👤 мужчины
💼 первое трудоустройство	💍 первый брак	👩 женщины
🏠 отделение от родителей	👶 первое деторождение	
сочетание социоэкономических и демографических событий		

Рисунок 3. Медианный возраст событий, маркирующих переход во взрослую жизнь, по странам, гендерам и когортам. *Источник:* Расчеты авторов на данных двух волн Европейского социального исследования (2006 и 2018 гг.)

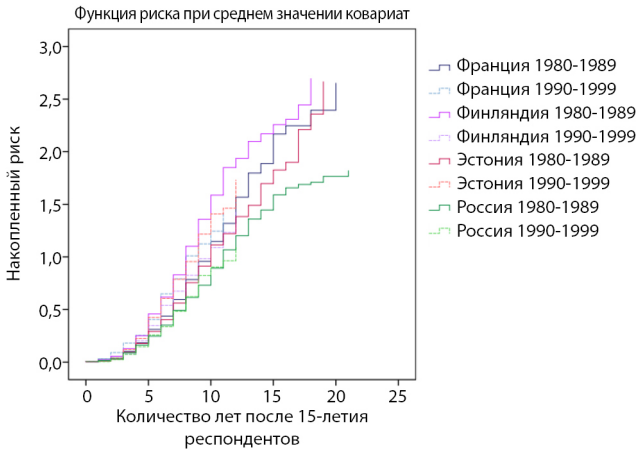
Интенсивность

Мы построили три регрессии Кокса: для рисков наступления каждого демографического события после достижения 15-летнего возраста. Все регрессии Кокса получились значимы на самом высоком уровне ($p=.000$), что позволяет численно интерпретировать результаты. Подробная информация о качестве моделей представлена в Приложении 6. Все включенные ковариаты показали значимость на уровне 90% и выше (Приложения 7–9).

На Рисунке 4 представлена динамика риска вступления в первое партнерство после достижения 15-летнего возраста по странам и когортам. Примерно через пять лет после своего 15-го дня рождения респонденты из всех стран начинают вступать в партнерство. Наибольший риск на всем периоде наблюдения характерен для финской когорты 1980–1989 г.р. Самый низкий риск — у россиян обеих когорт. Остальные страны и гендеры находятся посередине.

Значения коэффициентов ковариат показывают (Приложение 7), что у женщин в 1,4 раза выше риск вступить в первое партнерство после достижения 15-летнего возраста, чем у мужчин (на самом высоком уровне статистической значимости). На 99%-ном уровне значимости риск вступления в первое партнерство у людей, живущих в городской или сельской местности,

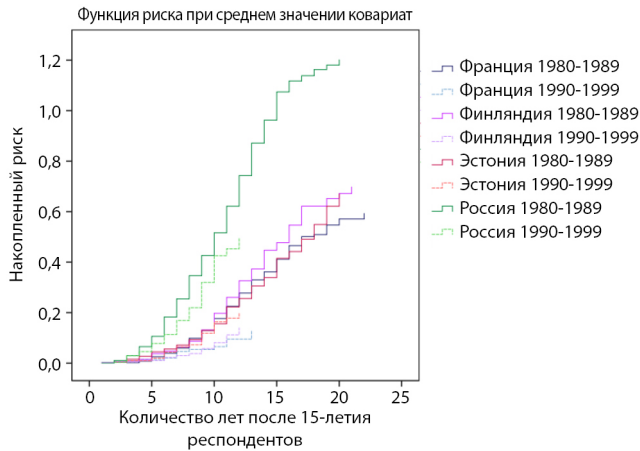
примерно в 1,2 раза выше, чем у жителей крупных городов; то же касается людей с профессиональным или общим уровнем образования по сравнению с теми, кто имеет высшее образование.

Рисунок 4. Риски вступления в первое партнерство после достижения 15-летнего возраста. *Источник:* Расчеты авторов на данных двух волн Европейского социального исследования (2006 и 2018 гг.)

Визуальный анализ Рисунка 5 показывает, что российские когорты имеют самый высокий риск вступления в первый брак после 15-летия на протяжении всего периода наблюдения. Все остальные страны располагаются ниже, и наименьшие риски характерны для самых молодых представителей этих стран.

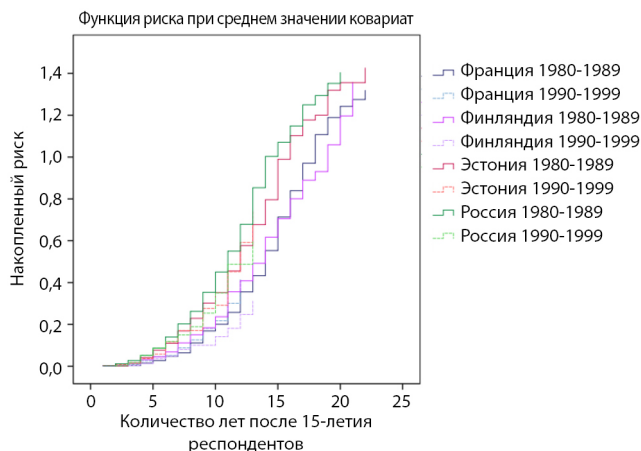
Согласно коэффициентам при переменных (Приложение 8), на самом высоком уровне статистической значимости риск вступления в первый брак у женщин в 1,3 раза выше, чем у мужчин. У жителей городской и сельской местности риск вступить в брак примерно в 1,2 раза выше, чем у жителей крупных городов. Респонденты с профессиональным образованием имеют почти те же шансы вступить в брак, что и респонденты, имеющие высшее образование, в то время как люди с общим уровнем образования имеют в 0,9 раза меньше шансов вступить в первый брак.

Рисунок 5. Риски вступления в первый брак после достижения 15-летнего возраста. *Источник:* Расчеты авторов на данных двух волн Европейского социального исследования (2006 и 2018 гг.)

На Рисунке 6 представлены риски рождения первого ребенка после 15-летия респондентов. Кривые в большей степени кластеризуются по годам рождения респондентов: наибольшие шансы деторождения имеют те, кто родился в 1980–1989 гг., и среди них самый высокий риск принадлежит России, затем — Эстонии, Франции и, наконец, Финляндии. Самые молодые когорты расположены почти так же, но с более низкими значениями рисков.

Согласно коэффициентам при переменных (Приложение 9), все включенные ковариаты значимы на самом высоком уровне. Шансы на рождение первого ребенка у женщин в 1,8 раза выше, чем у мужчин. У жителей городской местности шансы родить ребенка в 1,2 раза выше, чем у жителей крупных городов. У жителей сельской местности шансы на рождение ребенка в 1,5 раза выше, чем у жителей крупных городов. У людей с профессиональным и общим уровнем образования шанс рождения первого ребенка в 1,6 и 1,5 раза выше соответственно, чем у людей с высоким уровнем образования.

Рисунок 6. Риски рождения первого ребенка после достижения 15-летнего возраста. *Источник:* Расчеты авторов на данных двух волн Европейского социального исследования (2006 и 2018 гг.)

Результаты и дискуссия

Мы практически полностью подтвердили все наши гипотезы и получили следующие результаты.

Н1. Сравнение ПВЖ миллениалов в выбранных странах:

Н1.1. Социоэкономические события имеют схожую структуру и тайминг во всех четырех странах: они широко распространены (наблюдаются у 50–90% миллениалов) и наступают в возрасте 18–20 лет. Во Франции и Финляндии наступление событий более растянуто во времени, в то время как в Эстонии и России события организованы более компактно.

Н1.2. Наступление демографических событий имеет страновые особенности. Браки и деторождения есть менее чем у 50% миллениалов, причем наибольшую долю этих событий демонстрируют россияне, в то время как в Финляндии эти события на момент опроса произошли менее чем у 10% респондентов. Партнерства более распространены, чем браки, во всех странах (уже произошли у более чем 85% респондентов). Исключение — Россия, где в партнерство вступили лишь 50–70% миллениалов.

Первым демографическим событием во всех странах является партнерство, а последним почти всегда — рождение ребенка. Для России характерны самый молодой возраст и самые высокие риски вступления в первый брак и рождения первого ребенка, а для Финляндии

и Франции — самые поздние возрасты и самые низкие риски этих событий. Эстония занимает промежуточную позицию.

Н2. Внутрипоколенческие особенности ПВЖ миллениалов:

Н2.1. У младшей когорты миллениалов (1990–1999 г.р.) меньше событий, маркирующих ПВЖ, и более ранние возрасты их наступления, нежели у старшей когорты (1980–1989 г.р.). В определенной степени это обусловлено эффектом возраста (или цензурированием событий). Единственное событие, которое больше распространено среди представителей младших когорт, — это партнерство.

Н2.2. Во всех странах, кроме Финляндии, наступление стартовых демографических событий у женщин происходит на один-два года раньше, чем у мужчин, в то время как наступление социальноэкономических событий и доли всех событий-маркеров ПВЖ более гендерно эгалитарны.

Проведенный нами анализ показал, что наступление стартовых событий в четырех выбранных странах не идентично. Наблюдаем ли мы схожие паттерны и движение к общей модели перехода во взрослую жизнь? В некоторой степени. Сравнивая миллениалов с поколениями 1930–1979 г.р. из нашего предыдущего исследования [Mitrofanova, 2017; Митрофанова, 2023], мы ясно видим, какие именно трансформации происходят: откладывание демографических событий, увеличение длительности ПВЖ, размыкание брачного и репродуктивного поведения и сближение гендерных траекторий.

Среди рассматриваемых нами миллениалов наиболее заметное откладывание наступления первых браков и деторождений, а также самый продолжительный ПВЖ наблюдается у французских мужчин из когорты 1980–1989 г.р. Франция была пионером в демографической модернизации, поэтому ее лидерство в откладывании демографических событий на еще более поздние сроки неудивительно.

Разделение брачного и репродуктивного поведения происходит во всех четырех странах, но с разной скоростью и закономерностями. Большинство респондентов начинают свою демографическую биографию с партнерства, затем через несколько лет вступают в первый брак и еще через год-два рожают первенцев. У некоторых респондентов (французских мужчин 1990–1999 г.р., финских женщин 1990–1999 г.р. и эстонских женщин 1980–1989 г.р.) медианный возраст перворождения ниже, чем возраст вступления в первый брак, что означает появление первых детей вне брака у существенной доли опрошенных. Согласно предыдущим исследованиям и предположениям теории ВДП, в современных обществах ожидается увеличение числа внебрачных рождений [Kiernan, 2002; Musick, 2007; Fulda, 2017], но пока это не стало общим местом для всех миллениалов.

Наибольшую синхронизацию ПВЖ в разрезе гендера демонстрируют финские когорты, что, вероятно, является результатом всеохватывающих и эгалитарных мер демографической политики в Финляндии [Esping-Andersen, 1990; Ejrnæs and Voje, 2008]. Однако это также может быть следствием очень малой доли респондентов, имеющих на момент опроса какие-либо демографические события, кроме партнерства. В других странах (особенно в России и Эстонии, где доля россиян все еще довольно высока) женщины стремятся как можно быстрее наполнить свою биографию статусными переходами. Если у эстонских женщин наблюдается высокая концентрация социальноэкономических событий в возрасте 19–20 лет, то у российских женщин в этом же возрасте наступают практически все события. Здесь нужно еще раз вспомнить, что жизненные пути миллениалов (особенно самой молодой когорты) пока неполные, так как в моменты проведения интервью они были слишком молоды, поэтому все медианные возрасты, полученные в данном исследовании, являются предварительными. Тем не менее такая «скупенность» событий наблюдается только у российских женщин, что может свидетельствовать об определенном социальном давлении на женщин, заставляющем их рожать детей в наиболее «репродуктивно здоровом» возрасте (наследие советских поколений [Zakharov, 2008; Frejka and Zakharov, 2012]). Это давление вызывает эффект домино, заставляя женщин ускорять наступление всех других событий, пока они не заняты материнством.

Выводы

На основе данных Европейского социального исследования 2006 г. (3-я волна) и 2018 г. (9-я волна) мы проанализировали переход во взрослую жизнь двух когорт миллениалов в четырех странах: Франции, Финляндии, Эстонии и России. Некоторые результаты демонстрируют наличие эффекта возраста (или цензурирования событий), не позволяющего делать окончательные выводы. Тем не менее, благодаря изучению одних и тех же когорт, мы смогли сделать межстрановые сравнения.

Франция и Финляндия демонстрируют наиболее модернизированный ПВЖ, который можно охарактеризовать как «западный» по [Hajnal, 1965], и «поздний, растянутый, сложный» по [Billari and Liefbroer, 2010]. Эстония и особенно Россия больше тяготеют к восточноевропейской модели взросления и сравнительно более «раннему, сжато и простому» ПВЖ (особенно в демографической сфере). Эстония обновляет модели взросления быстрее, чем Россия, но все еще занимает промежуточное положение между символическим «востоком» и «западом», как уже было отмечено в нашем предыдущем исследовании, проведенном на других данных [Mitrofanova, 2017; Митрофанова, 2023].

Изменения в наступлении стартовых событий указывают на то, что, несмотря на разную скорость, трансформации в поведении миллениалов происходят в одном направлении. Это позволяет нам ответить на главный вопрос: сближаются ли страны или идут разными путями. Мы наблюдаем растянутую конвергенцию между Францией, Финляндией, Эстонией и Россией, при которой разные населения проходят примерно одинаковые количественные и качественные изменения в своих социодемографических поведении, но в разные сроки и со своими локальными особенностями. Это соотносится с выявленной ранее растянутой конвергенцией демографических поведений [Puur et al., 2012a, 2012b], являющихся частью взросления.

Список литературы

- Митрофанова Е.С. (2023) Календари и последовательности событий у разных поколений взрослых жителей Франции, Эстонии и России // Демографическое обозрение: 10(1): 108-35. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17262>
- Alwin D.F. (2012) Integrating Varieties of Life Course Concepts // The Journals of Gerontology: Series B: 67(2): 206–20. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbr146>
- Andersson G., Scott K. (2007) Childbearing dynamics of couples in a universalistic welfare state: The role of labor-market status, country of origin, and gender // Demographic Research: 17(30): 897–938. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2007.17.30>
- Arnett J.J. (2012) New Horizons in Research on Emerging and Young Adulthood. In: A. Boots, S.L. Brown et al. (eds) Early Adulthood in a Family Context. Springer, NY, 231–44. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-1-4614-1436-0_15
- Aronson P. (2008) The Markers and Meanings of Growing Up: Contemporary Young Women's Transition from Adolescence to Adulthood // Gender & Society: 22(1): 56–82. <https://doi.org/10.1177/0891243207311420>
- Bennett S., Maton K., Kervin L. (2008) The 'digital natives' debate: A critical review of the evidence // British journal of educational technology: 39(5): 775–86. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8535.2007.00793.x>
- Berrington A., Stone J., Beaujouan E. (2015) Educational differences in timing and quantum of childbearing in Britain: A study of cohorts born 1940–1969 // Demographic Research: 33(26): 733–64. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2015.33.26>
- Billari F.C., Liefbroer A.C. (2010) Towards a new pattern of transition to adulthood? // Advances in Life Course Research: 15(2-3): 59–75. <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2010.10.003>
- Blos P. (1967) The second individuation process of adolescence // The Psychoanalytic Study of the Child: 22(1): 162–86. <https://doi.org/10.1080/00797308.1967.11822595>

- Blossfeld H.-P., Hamerle A., Mayer K.U. (2014) Event history analysis: Statistical theory and application in the social sciences. Psychology Press. NY and London. http://books.google.com/books?hl=en&lr=&id=HpTpAgAAQBAJ&oi=fnd&pg=PP1&dq=info:uaw2C_KRYtEJ:scholar.google.com&ots=9uCKplalnt&sig=uAMbHjJOIWzSkkFjkboGTpuC_4w
- Blum A., Sebille P., Zakharov S. (2009) A divergent transition to adulthood in France and Russia: a cohort approach // *Revue d'Etudes Comparatives Est-Ouest*: 40(3-4): 123–52. URL: <https://shs.hal.science/halshs-00793899/document>
- Bongaarts J., Feeney G. (2006) The Quantum and Tempo of Life-Cycle Events / *Vienna Yearbook of Population Research*: 4: 115–51. URL: https://www.austriaca.at/0xc1aa5576_0x00191ce7.pdf
- Buchmann M. (1989) *The script of life in modern society: entry into adulthood in a changing world*. University of Chicago Press, Chicago.
- Buhler C. (1971) Basic theoretical concepts of humanistic psychology // *American Psychologist*: 26(4): 378–86. <https://doi.org/10.1037/h0032049>
- Cox D.R. (1972) Regression Models and Life-Tables // *Journal of the Royal Statistical Society. Series B (Methodological)*: 34(2): 187–220. URL: <https://www.jstor.org/stable/2985181>
- Craig J., Foster H. (2013) Desistance in the Transition to Adulthood: The Roles of Marriage, Military, and Gender // *Deviant Behavior*: 34(3): 208–23. <https://doi.org/10.1080/01639625.2012.726173>
- Ejrnæs A., Boje T.P. (2008) *Family Policy and Welfare Regimes*. In: Report 3. Labour Market and social Policies. University of Aberdeen, Aberdeen.
- Elder G.H., Jr (1975) Age Differentiation and the Life Course // *Annual Review of Sociology*: 1: 165–90. URL: <https://www.jstor.org/stable/2946043>
- Esping-Andersen G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Princeton University Press, NJ. URL: <https://lanekenworthy.files.wordpress.com/2017/03/reading-espingandersen1990pp9to78.pdf>
- Esping-Andersen G. (2002) *Why We Need a New Welfare State*. OUP Oxford, New York. <https://doi.org/10.1093/0199256438.001.0001>
- Family formation and family dilemmas in contemporary Europe (2007) G. Esping-Andersen (ed.). Fundación BBVA, Bilbao, Spain. URL: https://www.fbbva.es/wp-content/uploads/2017/05/dat/DE_2007_family_formation.pdf
- Featherman D.L., Lerner R.M. (1985) Ontogenesis and Sociogenesis: Problematics for Theory and Research about Development and Socialization Across the Lifespan // *American Sociological Review*: 50(5) 659–76. <https://doi.org/10.2307/2095380>
- Frejka T., Zakharov S. (2012) Comprehensive analyses of fertility trends in the Russian Federation during the past half century. Max Planck Institute for Demographic Research. MPIDR Working Papers, WP2012-027. <https://dx.doi.org/10.4054/MPIDR-WP-2012-027>
- Freud A. (1936) *Das Ich und die Abwehrmechanismen*. Internationaler Psychoanalytischer Verlag, Wein.
- Fulda B.E. (2017) The Transition to Adulthood in Individualistic and Collectivistic Cultures: Prevalence and Timing of Premarital Cohabitation and First Marriage in Germany and China. *Intimate Relationships and Social Change (Contemporary Perspectives in Family Research, Vol. 11)*. Emerald Publishing Limited, Leeds, 145–72. <https://doi.org/10.1108/S1530-353520170000011007>
- Furstenberg F.F., Jr (2010) On a New Schedule: Transitions to Adulthood and Family Change // *The Future of Children*: 20(1): 67–87. <https://doi.org/10.1353/foc.0.0038>
- Hagestad G.O., Neugarten B.L. (1985) Age and the life course. In: Binstock R.H., Shanas E. (Eds), *Handbook of aging and the social sciences*. Van Nostrand Reinhold, New York, 35–61.
- Hajnal J. (1965) European marriage patterns in perspective. In: Glass D.V., Eversley D.E., (Eds) *Population in history: essays in historical demography*. Aldine Publishing Company, Chicago, Illinois, 101–43. URL: <https://u.demog.berkeley.edu/~jrw/Biblio/Eprints/%20G-I/hajnal.1965.european.marriage.pdf>
- Hall G.S. (1904) *Adolescence: its psychology and its relations to physiology, anthropology, sociology, sex, crime, religion and education*. D.Appleton and Company, NY. URL: <http://archive.org/details/adolescenceitsps001hall>

- Heitmeyer W., Hurrelmann K. (1988) Sozialisations- und handlungstheoretische Ansätze in der Jugendforschung. In: *Handbuch der Jugendforschung*. VS Verlag für Sozialwissenschaften, 47–70. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-322-85702-6_4
- Hofstätter P.R. (1954) *Einführung in die Sozialpsychologie*. Universität, Wien.
- Hogan D.P., Astone N.M. (1986) The Transition to adulthood // *Annual Review of Sociology*: 12: 109–30. <https://doi.org/10.1146/annurev.so.12.080186.000545>
- Inglehart R.F. (2018) *Cultural evolution: people's motivations are changing, and reshaping the world*. Cambridge University Press, Cambridge. <https://doi.org/10.1017/9781108613880>
- Kiernan K. (2002) Cohabitation in Western Europe: trends, issues and implications. In: A Booth and A Crouter (Eds): *Just Living Together: implications of cohabitation on families, children and social policy*. Lawrence Erlbaum Associates, New York, 3–31.
- L'allongement de la jeunesse (1993) A. Cavalli, O. Galland (sous la direction de). Actes Sud, Poitiers.
- Lesthaeghe R., van de Kaa D. J. (1986) Twee demografische transitities. *Bevolking: groei en krimp*, 1986, 9-24.
- Lesthaeghe R. (1995) The second demographic transition in Western countries: An interpretation. In: K.O. Mason, A.-M. Jensen (eds.) *Gender and family change in industrialized countries*. Clarendon Press, Oxford, 17–62. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198289708.003.0002>
- Lesthaeghe R. (2020) The second demographic transition, 1986-2020. Sub-replacement fertility and rising cohabitation: a global update. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.29772.16002>
- Liefbroer A.C. (1999) From Youth to Adulthood: Understanding Changing Patterns of Family Formation from a Life Course Perspective. In: L.J.G. Wissen, P. Dykstra (eds.) *Population Issues*. Springer, The Netherlands, 53–85. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-94-011-4389-9_3
- Mannheim K. (1970) The problem of generations // *Psychoanalytic review*: 57(3): 378-404. URL: <https://pep-web.org/browse/PSAR/volumes/57?preview=PSAR.057.0378A>
- Mills M. (2011) *Introducing survival and event history analysis*. SAGE Publications, London.
- Mitrofanova E.S. (2016) The Age Parameters of the Starting Demographic Events Across Russian Generations // *Russian Education & Society*: 58(9-10): 601–22. <https://doi.org/10.1080/10609393.2016.1315271>
- Mitrofanova E.S. (2017) *Becoming an Adult in France, Estonia and Russia*. Basic research program Working papers. Series Sociology. WP BRP 78/SOC/2017. National Research University Higher School of Economics. URL: <https://wp.hse.ru/data/2017/11/28/1161803639/78SOC2017.pdf>
- Mitrofanova E., Artamonova A. (2016) The perspectives of family policy in Russia amid increasing cohabitation // *European Journal of Government and Economics*: 5(1): 47-63. <https://doi.org/10.17979/ejge.2016.5.1.4315>
- Modell J., Furstenberg F.F. Jr, Hershberg T. (1976) Social Change and Transition to Adulthood in Historical Perspective // *Journal of Family History*: 1(1): 7–32. <https://doi.org/10.1177/036319907600100103>
- Musick K. (2007) Cohabitation, nonmarital childbearing, and the marriage process // *Demographic Research*: 16: 249–86. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2007.16.9>
- Neugarten B.L., Danan N. (1973) Sociological Perspectives on the Life Cycle. In: Baltes P.B., Schaie K.W. (Eds) *Life-Span Developmental Psychology*. Academic Press, Amsterdam, 53–69. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-077150-9.50009-5>
- Nugin R., Kannike A., Raudsepp M. (eds.) (2016) *Generations in Estonia: contemporary perspectives on turbulent times*. University of Tartu Press, Tartu. URL: <https://library.oapen.org/handle/20.500.12657/32741>
- Offer D. (1984) Das Selbstbild normaler Jugendlicher. In: *Probleme des Jugendalters*. Springer Berlin Heidelberg, Berlin, 111–30.
- Plakans A. (1984) The demographic transition in the Baltic provinces and Finland: Prospects for a comparative study // *Journal of Baltic Studies*: 15(2-3): 171–84. <https://doi.org/10.1080/01629778400000081>
- Puur A., Rahnu L., Maslauskaitė A., Stankuniene V. (2012a) Past and present patterns of family formation in Eastern Europe: Does Hajnal's delineation still matter? // *Filosofija Sociologija*: 23(4):

- 256–65. URL: https://www.researchgate.net/publication/235426215_Past_and_present_patterns_of_family_formation_in_Eastern_Europe_Does_Hajnal's_delineation_still_matter
- Puur A., Rahnu L., Maslauskaitė A., Stankuniene V., Zakharov S. (2012b) Transformation of Partnership Formation in Eastern Europe: The Legacy of the Past Demographic Divide // *Journal of Comparative Family Studies*: 43(3): 389–417. <https://doi.org/10.3138/jcfs.43.3.389>
- Reher D.S. (1998) Family ties in Western Europe: Persistent contrasts // *Population and Development Review*: 24(2): 203–34. URL: <https://www.jstor.org/stable/2807972>
- Rindfuss R.R., Swicegood C.G., Rosenfeld R.A. (1987) Disorder in the life course: How common and does it matter? // *American sociological review*: 52(6): 785–801. URL: <https://www.jstor.org/stable/2095835>
- Ryder N.B. (1965) The cohort as a concept in the study of social change // *American Sociological Review*: 30(6): 843–61. <https://doi.org/10.2307/2090964>
- Settersten R.A. Jr, Furstenberg F.F. Jr, Rumbaut R.G. (2005) *On the Frontier of Adulthood. Theory, Research, and Public Policy*. University of Chicago Press, Chicago/London. URL: <https://books.google.de/books?hl=de&lr=&id=zAEV2pTN16EC&oi=fnd&pg=PR9&dq=settersten+on+the+frontier&ots=Nfn20WkTc5&sig=wKbr1siHTPvElhnHMwWWMbpVlgM#v=onepage&q=settersten%20on%20the%20frontier&f=false>
- Shanahan M.J. (2000) Pathways to Adulthood in Changing Societies: Variability and Mechanisms in Life Course Perspective // *Annual Review of Sociology*: 26: 667–92. URL: <https://www.jstor.org/stable/223461>
- Spranger E. (1925) *Psychologie des Jugendalters*. Quelle & Meyer, Leipzig.
- Vikat A., Spéder Z., Beets G., Billari F.C., Bühler C., Désesquelles A., Fokkema T., Hoem J.M., MacDonald A., Neyer G. (2007) Generations and Gender Survey (GG5): Towards a better understanding of relationships and processes in the life course // *Demographic research*: 17: 389–440. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2007.17.14>
- Werner H. (1926) *Einführung in die Entwicklungspsychologie*. Leipzig.
- Winkler-Dworak M., Engelhardt H. (2004) On the tempo and quantum of first marriages in Austria, Germany, and Switzerland: Changes in mean age and variance // *Demographic Research*: 10: 231–64. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2004.10.9>
- Zakharov S. (2008) Russian Federation: From the first to second demographic transition // *Demographic Research*: 19: 907–72. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.24>

Другие источники информации

- Billari F.C., Hagestad G.O., Liefbroer A.C., Spéder S. (2005) Question Module Design Team (ESS Round 3) Application Form: The Timing of Life: The Organization of the Life Course in Europe. URL: https://www.europeansocialsurvey.org/sites/default/files/2023-06/ESS6_wellbeing_proposal.pdf
- Dutzik T., Inglis J. (2014) *Millennials in Motion: Changing Travel Habits of Young Americans and the Implications for Public Policy*. U.S. PIRG Education Fund Frontier Group, Boston, MA. URL: <https://pirg.org/edfund/resources/millennials-in-motion/>
- Howe N., Strauss W. (1992) The new generation gap // *Atlantic*, December 1992 Issue. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1992/12/the-new-generation-gap/536934/>
- Howe N., Strauss W. (2007) The Next 20 Years: How Customer and Workforce Attitudes Will Evolve // *Harvard Business Review*, July–August. URL: <https://hbr.org/2007/07/the-next-20-years-how-customer-and-workforce-attitudes-will-evolve>

Приложения

Приложение 1. Абсолютные числа респондентов в разрезе стран, гендеров и когорт

Страны	Гендер	Когорты		Всего
		1980-1989	1990-1999	
Франция	Мужчины	250	103	353
	Женщины	256	127	383
	Всего	506	230	736
Финляндия	Мужчины	255	123	378
	Женщины	243	135	378
	Всего	498	258	756
Эстония	Мужчины	267	137	404
	Женщины	278	124	402
	Всего	545	261	806
Россия	Мужчины	447	224	671
	Женщины	456	226	682
	Всего	903	450	1353
Всего	Мужчины	1219	587	1806
	Женщины	1233	612	1845
	Всего	2452	1199	3651

Источник: Расчеты авторов на основе данных Европейского социального исследования (2006 и 2018 гг.)

Приложение 2. Тесты хи-квадрат по Пирсону для факторов наступления стартовых событий

Факты событий	Франция		Финляндия		Эстония		Россия	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
получение профессионального образования	18.318	7.391	23.804	41.962	.627	7.173	14.568	17.877
первое трудоустройство	1	1	1	1	1	1	1	1
отделение от родителей	.000*	.007*	.000*	.000*	.428	.007*	.000*	.000*
первое партнерство	18.721	.002	6.992	27.632	3.284	2.342	3.485	12.937
первый брак	1	1	1	1	1	1	1	1
рождение	.000*	.967	.008*	.000*	.070	.126	.062	.000*
Значимость	9.944	5.121	5.687	30.355	.551	2.131	.907	2.073
ст.св.	1	1	1	1	1	1	1	1
Значимость	.002*	.024*	.017*	.000*	.458	.144	.341	.150
ст.св.	4.686	1.188	1.767	.002	1.955	.372	18.656	3.068
Значимость	.030 ^{a,b}	.276	.184 ^b	.966 ^b	.162	.542	.000*	.080
ст.св.	23.261	27.822	30.367	24.067	18.492	14.671	32.387	47.386
Значимость	1	1	1	1	1	1	1	1
ст.св.	.000*	.000*	.000*	.000*	.000*	.000*	.000*	.000*
Значимость	36.971	17.585	28.055	32.939	15.131	24.057	45.587	44.121
ст.св.	1	1	1	1	1	1	1	1
Значимость	.000*	.000*	.000*	.000*	.000*	.000*	.000*	.000*

Результаты основаны на непустых строках и столбцах в каждой внутренней подтаблице.

*. Статистика хи-квадрат значима на уровне .05.

b. Более чем в 20% ячеек этой подтаблицы значения в ячейках ожидаются меньшими, чем 5. Результаты хи-квадрат могут быть недостоверными.

Источники: Расчеты авторов на основе данных Европейского социального исследования (2006 и 2018 гг.)

Приложение 3. Дисперсионный анализ (ANOVA) для возрастов наступления стартовых событий

	Переменные		Сумма квадратов	ст.св.	Средний квадрат	F	Значи- мость
получение профессионального образования — возраст *	Между группами	(Совместно)	323.445	3	107.815	14.910	.000
		Линейность	193.782	1	193.782	26.799	.000
		Отклонение от линейности	129.663	2	64.832	8.966	.000
возраст * страна	Внутри групп		67463.384	9330	7.231		
	Всего		67786.828	9333			
первое трудоустройство — возраст *	Между группами	(Совместно)	182.991	3	60.997	7.168	.000
		Линейность	27.603	1	27.603	3.244	.072
		Отклонение от линейности	155.388	2	77.694	9.130	.000
возраст * страна	Внутри групп		57650.748	6774	8.510		
	Всего		57833.739	6777			
отделение от родителей — возраст *	Между группами	(Совместно)	361.387	3	120.462	9.335	.000
		Линейность	323.303	1	323.303	25.054	.000
		Отклонение от линейности	38.085	2	19.042	1.476	.229
возраст * страна	Внутри групп		73706.386	5712	12.904		
	Всего		74067.774	5715			
первое партнерство — возраст *	Между группами	(Совместно)	254.423	3	84.808	6.694	.000
		Линейность	221.005	1	221.005	17.445	.000
		Отклонение от линейности	33.418	2	16.709	1.319	.268
возраст * страна	Внутри групп		61363.993	4844	12.669		
	Всего		61618.416	4847			
первый брак — возраст *	Между группами	(Совместно)	2786.387	3	928.796	70.211	.000
		Линейность	2306.684	1	2306.684	174.371	.000
		Отклонение от линейности	479.703	2	239.851	18.131	.000
возраст * страна	Внутри групп		39836.941	3011	13.229		
	Всего		42623.328	3014			
первое деторождение — возраст *	Между группами	(Совместно)	3128.927	3	1042.976	68.251	.000
		Линейность	2209.593	1	2209.593	144.593	.000
		Отклонение от линейности	919.333	2	459.667	30.080	.000
возраст * страна	Внутри групп		47439.872	3104	15.281		
	Всего		50568.799	3107			

Источник: Расчеты авторов на основе данных Европейского социального исследования (2006 и 2018 гг.)

Приложение 4. Распределение категорий ковариат регрессионных моделей Кокса

Переменные	Страны													
	Франция			Финляндия			Эстония			Россия				
	1980-1989	1990-1999	1980-1989	1990-1999	1980-1989	1990-1999	1980-1989	1990-1999	1980-1989	1990-1999	1980-1989	1990-1999		
Гендер	49.4%	44.8%	51.2%	47.7%	49.0%	52.5%	49.5%	49.8%	50.6%	55.2%	48.8%	52.3%	47.5%	50.2%
Место проживания на момент интервью	33.6%	40.4%	44.4%	45.0%	44.8%	41.8%	47.5%	42.2%	36.2%	34.8%	31.3%	32.9%	31.8%	35.7%
Крупные города														
Остальные города и городские поселения														
Сельская местность	30.2%	24.8%	24.3%	22.1%	21.7%	26.4%	16.8%	21.1%	32.4%	24.8%	36.5%	29.1%	33.7%	30.9%
Уровень образования	55.5%	48.7%	48.8%	29.8%	30.1%	22.2%	42.3%	29.6%	12.1%	26.5%	14.7%	41.1%	44.1%	39.6%
Профессиональное														
Общее														

Источники: Расчеты авторов на основе данных Европейского социального исследования (2006 и 2018 гг.)

Приложение 5. Корреляционный анализ для ковариат регрессионных моделей Кокса

		Корреляции	Место проживания на момент интервью	Гендер	Уровень образования
тау-b Кендалла	Место проживания на момент интервью	Коэффициент корреляции	1.000	-.010**	.154**
		Значимость (2-сторонняя)	.	.002	.000
		N	91507	91421	76100
	Гендер	Коэффициент корреляции	-.010**	1.000	.013**
		Значимость (2-сторонняя)	.002	.	.000
		N	91421	91595	76140
	Уровень образования	Коэффициент корреляции	.154**	.013**	1.000
		Значимость (2-сторонняя)	.000	.000	.
		N	76100	76140	76159
Корреляция Пирсона	Место проживания на момент интервью	Коэффициент корреляции	1.000	-.010**	.172**
		Значимость (2-сторонняя)	.	.002	.000
		N	91507	91421	76100
	Гендер	Коэффициент корреляции	-.010**	1.000	.014**
		Значимость (2-сторонняя)	.002	.	.000
		N	91421	91595	76140
	Уровень образования	Коэффициент корреляции	.172**	.014**	1.000
		Значимость (2-сторонняя)	.000	.000	.
		N	76100	76140	76159

** Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).

Источник: Расчеты авторов на основе данных Европейского социального исследования (2006 и 2018 гг.)

Приложение 6. Значимость и качество регрессионных моделей Кокса

Модели	-2 Log Likelihood	Хи-квадрат	ст.св.	Значимость
первое партнерство	22592.311	82.485	5	.000
1 st marriage	11034.537	24.035	5	.000
1 st childbirth	13392.544	198.870	5	.000

Источник: Расчеты авторов на основе данных Европейского социального исследования (2006 и 2018 гг.)

Приложение 7. Переменные в регрессионной модели Кокса для вступления в первое сожителство после достижения возраста 15 лет

Переменные	B	SE	Wald	ст.св.	Значи- мость	Exp(B)
Гендер (реф. мужчины)	.343	.045	58.921	1	.000	1.409
Место проживания на момент интервью (реф. крупные города)			10.741	2	.005	
- остальные города и городские поселения	.135	.051	7.067	1	.008	1.145
- сельская местность	.164	.058	8.060	1	.005	1.178
Уровень образования (реф. высшее)			15.090	2	.001	
- профессиональное	.188	.050	14.295	1	.000	1.206
- общее	.154	.066	5.481	1	.019	1.167

Источник: Расчеты авторов на основе данных Европейского социального исследования (2006 и 2018 гг.)

Приложение 8. Переменные в регрессионной модели Кокса для вступления в первый брак после достижения 15-летнего возраста

Переменные	B	SE	Wald	ст.св.	Значи- мость	Exp(B)
Гендер (реф. мужчины)	.226	.065	12.180	1	.000	1.254
Место проживания на момент интервью (реф. крупные города)			6.763	2	.034	
- остальные города и городские поселения	.110	.075	2.124	1	.145	1.116
- сельская местность	.216	.084	6.610	1	.010	1.241
Уровень образования (реф. высшее)			4.633	2	.099	
- профессиональное	.074	.071	1.090	1	.296	1.077
- общее	-.139	.101	1.871	1	.171	.871

Источник: Расчеты авторов на основе данных Европейского социального исследования (2006 и 2018 гг.)

Приложение 9. Переменные в модели регрессии Кокса для рождения первого ребенка после достижения возраста 15 лет

Переменные	B	SE	Wald	ст.св.	Значи- мость	Exp(B)
Гендер (реф. мужчины)	.584	.059	99.128	1	.000	1.794
Место проживания на момент интервью (реф. крупные города)			34.622	2	.000	
- остальные города и городские поселения	.181	.068	7.073	1	.008	1.199
- сельская местность	.429	.073	34.616	1	.000	1.536
Уровень образования (реф. высшее)			57.209	2	.000	
- профессиональное	.485	.065	55.502	1	.000	1.625
- общее	.386	.087	19.754	1	.000	1.472

Источник: Расчеты авторов на основе данных Европейского социального исследования (2006 и 2018 гг.).

Сведения об авторах

- Митрофанова Екатерина Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры демографии Института демографии им. А.Г. Вишневого Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, 10100. E-mail: emitrofanova@hse.ru
- Макаров Сергей Алексеевич — магистр государственного и муниципального управления (профиль: Население и развитие), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 10100. E-mail: s.alex.makar@gmail.com